

АНТОН МАЛЮТИН

Пять рассказов о любви и подвиге

16+

Антон Олегович Малютин
Пять рассказов о
любви и подвиге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63502752

SelfPub; 2020

Аннотация

Пять рассказов о любви и подвиге. О любви к человеку, к работе, к миру, к себе. О подвиге настоящем и фиктивном.

Содержание

Он тебя любил [любовь]	4
Любовь к звездам	4
Любовь к женщине	6
Любовь к работе	8
Он тебя любил	12
[любовь?]	14
[нелюбовь]	18
Я вожу грузовик [подвиг]	21
Космос вне романтики	21
Романтика космоса	24
В космосе тоже есть начальство	26
Беда не бывает чужой	28
Роковые случайности и случайные подвиги	31
Беда не приходит одна	36
Кому решать и кому жить	39
[подвиг?]	44

Антон Малютин

Пять рассказов о любви и подвиге

Он тебя любил [любовь]

Любовь к звездам

Отсюда стартовые площадки космопорта не видны – к ним нельзя, опасно, поэтому все всегда прощаются здесь. Серые бетонные плиты, устилающие поверхность, насколько хватает глаз, помнят тысячи прощаний и тысячи встреч. Но встреч, почему-то, всегда меньше.

Люси и Джозеф молчали. Просто обнимались, не глядя друг в другу глаза. Все уже сказано ночью, в которой не было сна и планов на будущее. Легкий теплый ветерок трепал длинные русые волосы девушки, едва уловимый запах которых Джозеф не спутает ни с каким другим. Запах дома, тепла, чего-то родного и ласкового, щемящего сердце.

Плиты под ногами видели очередное расставание, за которым должна быть встреча. Джозеф уходил ненадолго – всего на семь месяцев. Раньше уходили на годы, и почти нико-

гда не возвращались. Раньше у звездолетчиков не было любимых, сейчас их ждут. Надеются на лучшее, смотрят на холодные звезды, верят и ждут.

Люси встречала Джозефа уже дважды, и сейчас верила, что через семь месяцев она снова увидит его. Потому что теперь звездолетчики почти всегда возвращаются.

Корабль ушел со старта легко, будто взмыла в небо слепящая голубая стрела, затмив своим пламенем свет Солнца. Через несколько минут, когда корабль уже исчез в пронзительной синеве, до Люси докатились громовые раскаты, возвестившие об очередном старте смельчаков к новым мирам. Семь месяцев. Всего двести четырнадцать дней в разлуке.

Любовь к женщине

Звездолетчики умирают быстро. Удар незамеченного метеорита или высокоэнергичной плазмы, прорыв кротовой норы в звезде, падение в черную дыру – яркая вспышка, и все – ни боли, ни отчаяния, ни последней мысли о любимой. Жизнь просто обрывается в бесконечной пустоте космоса.

Это происходит быстро. Почти всегда.

Но иногда звездолетчикам везет, и они умирают мучительно долго. Так долго, что успевают осознать свою гибель, попрощаться с родными, с Землей, со Вселенной.

Джозефу повезло. Он понял это, когда очнулся. Тела будто не было – неверное, его просто парализовало. Этого еще не хватало, черт побери. Зато глаза – самое слабое место звездолетчиков – были целы, иначе они сквозь розовые веки не видели бы слепящего белого света. Живой. Повезло. Необычайно повезло.

Только сейчас Джозеф осознал, что лежит, и лежит не в искореженных обломках своего корабля. Разбитые звездолеты так не пахнут – приятно, немного резковато, с примесью чего-то цитрусового. Хорошо. Где он? Может, в санитарном отсеке звездолета? Нет, в звездолетах пахнет совсем не так, да и свет там другой.

Наконец, Джозефу надоело гадать, и он, преодолевая подкатившие вдруг боль и тошноту, открыл глаза. Небольшая

комната, белые стены, яркий свет. Необычные приборы, какие-то светящиеся панельки, блестящие трубки. Такого на Земле нет.

Джозефа будто током ударило. Неужели?! Неужели он нашел тех, кого сотни других безрезультатно ищут десятки лет?! Но... Но эта находка далась слишком дорогой ценой, возможно – ценой жизни всей его команды. И лишь он каким-то чудом остался жив.

Люси! Вдруг он вспомнил о ней. Люси ждет его, а он лежит здесь. И возможно, что он останется здесь навсегда. Осознание этого больно ударило в самое сердце, где родилась темная, тугая тоска, от которой хотелось плакать и ломать все, что попадется под руку. Но руками почему-то не удастся пошевелить, будто их и нет вовсе.

Джозеф не знал, сколько он находится здесь. И где находится это «здесь». И сколько пролежал он вот так, вспоминая о Люси, о счастливых минутах, о ее тепле, ее ласке, ее глазах с дрожащими в уголках капельками слез...

Любовь к работе

– Пришелец умер, мы сделали все, что могли.

Этот момент рано или поздно должен был настать. Все силы вертузианской медицины были брошены на то, чтобы это случилось как можно позже. Нужно признать, что у врачей и ученых получилось протянуть жизнь пришельца на несколько суток. А ведь это – чужой, со своей биохимией, со своей анатомией и физиологией. И без трех четвертей тела, потерянных в катастрофе.

Появление пришельца задало очень много вопросов, а его гибель оборвала надежды получить ответы. К счастью, его нервная система оказалась очень похожей на нервную систему вертузианцев. Его память, высосанная до самого дна, способна рассказать о многом, но далеко не обо всем. Один индивидуум неспособен хранить в себе культуру всего народа и историю целой планеты. Чужой планеты. Планеты, населенной разумными существами. В Галактике это редкость, и будет непростительной ошибкой упустить возможность познать чужих.

Но пришелец умер, так и не осознав, где он оказался.

Даже после смерти чужой изучался, вертузианцы копались в его останках и сохраненной памяти. Это было интересно и... необычно. Может ли одно разумное существо, проникнув в «голову» другому существу, понять его? Верту-

зианцы думали, что может. Ведь разум – он в любой точке Галактики остается разумом, способностью к мышлению, анализу, абстрагированию, обобщению, созиданию... И неважно, на какой планете он зародился. Но пришелец оказался не просто чужим – он был Другим.

У пришельца были чувства.

Вертузианцы давно отказались от такой роскоши, как настоящие чувства – они только мешали развиваться, служили причиной ссор, раздоров и войн, были единственной причиной всех несчастий, и мешали идти вперед. Поэтому несколько тысяч лет назад вертузианцы перестали чувствовать. Они смотрят на мир беспристрастно, объективно оценивая его, разделяя все на абсолютную истину и абсолютную ложь. И теперь у них нет несчастий, а цивилизация неуверенно движется к самым вершинам прогресса.

Пришелец мог любить и ненавидеть, радоваться и страдать, удивляться и делать необдуманные поступки. Нет, не так. Пришелец любил и ненавидел, радовался и страдал, поступал так, как велит сердце, и полетел к чужим звездам не из беспристрастного научного интереса, а потому что ему так хотелось. Хотелось...

Это открытие разбило вертузианских ученых на два противоборствующих лагеря: одни утверждали, что чувствующая раса не может достичь технологически высот, другие верили, что раса, обуреваемая страстями, может чего-то достичь и оставить свой след в истории. Этот мирный спор, в

котором ни один из оппонентов и на полтона не повысил голос, мог продолжаться целую вечность, но его нарушил один молодой вертузианец, не потерявший тягу к истинному знанию.

– Я стану пришельцем, приму в себя его разум, его воспоминания и чувства, я полечу на его планету, и все выясню лично! – голос с трибуны прозвучал резко, неожиданно, остановив все неспешные споры. Этот молодой вертузианец предложил что-то странное, но это может сработать. Почему бы и нет? Одним молодым вертузианцем больше, одним меньше – какая разница для сверхцивилизации?

Эрикко знал, что идет на риск. Но он рискнул, что так несвойственно вертузианцам с их прагматичностью и кастрацией чувств. Просто Эрикко, как и Джозеф, сознание которого он принял в себя, тоже любил. Любил работу, познание, истину. И он решил во что бы то ни стало докопаться до истины, положив конец спорам.

Несложная операция превратила Эрикко в Джозефа. Сложнее было воссоздать примитивный земной корабль, но и с этой задачей вертузианцы справились. Скоро корабль отправился к Земле с одним-единственным пассажиром – Эрикко в облике пришельца Джозефа.

...Эрникко было страшно. Он никогда не чувствовал страха, он не знал, что такое страх, но сознание Джозефа подарило ему страх. Эрикко, свернувшись в клубок, лежал на

полу своей каюты, его тело бил озноб, из глаз текли слезы. Эрикко хотелось кричать, но крик густым колючим комом застрял в горле. Так вот что такое страх! Это... Это неприятно, испытывать страх неприятно...

...Люси? Да, это девушка, которую любил Джозеф. По телу Эрикко разливается что-то мягкое и теплое.

–Лю-ююю-си-ии – тянул Эрикко, пробуя это имя на вкус. Оно хоть и необычное, но какое-то... приятное. Ласковое. Родное...

... Эрикко со всей силы саданул кружкой по стенке каюты. Яркие острые осколки будто метеоры разлетелись по каюте, а по стене поползли тоненькие трещины. Злость сразу стала стихать. Хорошо. Легко на душе. Злость – это странно, это одновременно и приятно, и неприятно.

Странно и необычно чувствовать так, как чувствовал Джозеф. Наверное, все вертузианцы тысячи лет назад чувствовали так же. Жаль, что они разучились это делать. Жаль.

Он тебя любил

Он вернулся. Звездолетчики всегда возвращаются, семь месяцев – как одна минута. И почему-то он сказал, что больше никуда не полетит. Звездолетчики никогда не перестают летать, а он перестал. Прошли долгие годы, и он не разу не пожалел, что перестал летать. Или просто не говорил ей.

Сначала он был немного странный, но это нормально – все звездолетчики после долгого путешествия немного странные. А некоторые совсем странные. Но потом все стало хорошо, и она узнала своего любимого, своего родного и единственного в мире Джозефа. Того, кто стал ее мужем, другом, любовником, отцом ее детей и просто самым родным в мире человеком.

Они вместе радовались и грустили, они редко расставались и не заметили, как постарели. Только Джозеф выглядел чуточку моложе. Но он был звездолетчиком, а они все казались чуточку моложе своих сверстников. А потом старость взяла свое, и приковала Люси к постели, с которой она уже не встала никогда. Они не теряли присутствие духа, они разговаривали, они мечтали о том, как встретятся после смерти. И не заметили, как смерть подошла слишком близко.

Никогда не стареющий Эрикко, облаченный в старика Джозефа, сидел у смертного одра любимой, и плакал. Он давно перестал быть просто вертузианцем, он умел плакать.

... – Люси, Джозеф любил тебя больше жизни. Он отдал бы все, чтобы быть с тобой, прожить с тобой всю жизнь, состариться с тобой, и уйти с тобой в другой мир. Но эту жизнь – его жизнь! – прожил я. Я отнял его мечту. Но я нисколько не сожалею. Я узнал, что такое любовь и настоящее счастье. Спасибо тебе за это. И спасибо за это тебе, Джозеф...

Но Люси не слышала последних слов, она тихо ушла. Наверное, она уже была вместе с Джозефом, который ждал ее долгих восемьдесят три года. Звездолетчики всегда возвращаются. Особенно, если их любят. По-настоящему.

[ЛЮБОВЬ?]

... – Почему ты вернулся?

Все, наблюдать сразу расхотелось. Он достал сигарету, прикурил, сделал несколько глубоких затяжек.

– Ну... Я люблю ее, поэтому и вернулся. Без нее было плохо. Понимаешь, я весь этот год спать ночами не мог. Все время о ней думал.

– Хм...

Было темно, тепло и тихо. Над всем миром парила комета, и ей было все равно, что происходит на этой планете. А людям было все равно на комету, у них и своих проблем хватало.

– А говорил, что уже ничего нет.

– Мало ли что я говорил. Забудь.

– Да, конечно, забудь! Ты же при любом удобном случае рассказывал, что она там уже с кем-то живет, и даже рад за нее был. Значит, врал?

– Я не знаю. Вот правда.

– Эх, ты. Рад он за нее был.

Конечно, он не был рад. Он страдал. Он рвал и метал, он ничего не мог делать, зная, что она сейчас с другим, гуляет с ним, пьет, спит... Спит. Вот это больше всего раздражало. Да и сейчас иногда накатывает злость и обида.

– А что я должен был говорить? Сидеть и страдать? Да

вам всем и первой недели моих соплей хватило, что я, не видел будто. Самому надоело. Понимаешь, мне самому надоело страдать. Я всегда любил ее, и мена раздражало, что я люблю ее, мне хотелось разлюбить. Понимаешь? Иногда я искренне сожалел, что в сердце нет выключателя, который одним щелчком мог бы выключить это чувство. Раз – и не любишь. А хрен.

– И что, сейчас ты счастлив?

Он не ответил. В воздухе повисло тяжелое молчание, и только красный огонек сигареты иногда вспыхивал, а затем он отправился в полет, упал где-то в траве, и тут же исчез.

– Не знаю.

– Что? Ты же так хотел снова быть с ней! А теперь не знаешь, счастлив ты или нет? Ну ты даешь.

– Слушай, а иди ты. Я тоже думал, что все будет просто. Ррраз – и счастлив. Но, видимо, что-то сломалось. И я не знаю.

– Хм...

После расставания он прошел через несколько этапов. Сначала он страдал. И даже плакал, даже не так – рыдал, закрывшись в ванной, смывая слезы водой. Он понял, как сильно любит ее, насколько он был плохим человеком, и какие возможности упустил. Потом он страдал от того, что узнал про нее и ее бывшего – ведь они снова были вместе. Это было самое страшное, это просто уничтожало его изнутри. Затем он принял все происходящее, и даже стал общать-

ся с другими девушками, но... Но чаще всего это было просто дружеское общение. И почти каждой из них он рассказывал про нее, про расставание и свою плохую жизнь. Но, почему-то, нормальные девушки не любят нытиков, рассказывающих про своих бывших...

– А как же Марго?

Неожиданный вопрос вырвал его из задумчивости и макнул в реальный мир.

– А что Марго? – он помолчал в задумчивости. – У нас с ней ничего не было. И я ей всегда говорил, что ничего не будет. Никаких отношений, просто общение и секс. Ее это не устраивало, хотя она и уверяла меня в обратном. Но я не хотел врать ни ей, ни себе. И самое страшное, что я расстался с ней на следующий день после первой встречи с женой... Просто написал ей сообщение, что я снова хорошо общаюсь с женой, и все.

– Ну ты и мудака. Кто же так расстается – отправив смс?

– О, нет, я с ней не расстался по смс. Я сообщением поставил ее в известность. А на следующий день мы снова встретились, и я ей все сказал лично. Но сделал это лишь после того, как пригласил в гости и... Ну ты понял.

– Нет, ты точно мудака.

Да, это было плохо. Ни один нормальный мужчина не будет сообщать девушке о расставании сразу после постели. Но так получилось. Тьфу, вот это дурацкое «так получилось» – оно раздражает. Да, мудака. Но что было, то было.

– Так почему же ты несчастлив, если добивался и сам вернулся?

Он ничего не ответил. Он сам не знал. Это не объяснить. Здесь все складывается из мелочей. Она его все равно не любит. Потому что помнит своего бывшего. Секс стал скучным и не искренним. Она, по большому счету, и не хочет его. Надо вставать рано по утрам. Она обижается на всякие мелочи... Он уже и забыл, почему они раньше ругались, а теперь вспомнил. И снова появились мысли о расставании. Он пытается гнать эти мысли, но...

– Не знаю. Что-то не то. Но я не знаю, что.

А над всем миром парит комета, и ей все равно до людских проблем. А люди никак не могут разобраться в себе, и понять, чего они по-настоящему хотят. Придумывают себе проблемы, строят стены и опрометчиво дают обязательства. И страдают, страдают, страдают от выдуманных проблем...

[нелюбовь]

Кофе со сливками. Как она любит.

Разговоры.

Страстный секс. До изнеможения.

Покурить на балкон.

Ночной город завораживает.

Он ненавидел эти моменты – сразу после секса. Ему страшно не хотелось признаваться в этом себе, но приходилось – он получил все, в чем нуждался сегодня, и теперь хочется поскорее избавиться от нее. А потом, оставшись в одиночестве и тишине, что-нибудь посмотреть, почитать, поиграть. Может быть даже немного поработать. Хотя нет, лучше сериал посмотреть, там вроде новые серии вышли...

– Я вызвала себе такси.

– Что? – ее голос вырвал его из задумчивости, и он не сразу сообразил, о чем речь.

– Такси себе вызвала, скоро подъедет.

Она уже одета и причесана. Поправлен подпорченный ласками макияж. А в глазах – едва уловимая грустинка.

Она смотрит прямо в глаза, мучительно пытаюсь понять, что происходит в его голове. Что происходит в его сердце. Но она слишком молода и неопытна. Точнее – он так думает.

Она уже привыкла, что приезжает к нему, а затем просто уезжает. Если это происходит днем, то он встречает ее, а за-

тем провожает до метро. Но если раньше он почти всегда приносил цветы и стоял у метро задолго до ее приезда, то сейчас он уже стал опаздывать, да и руки заняты разве только телефоном. А если ночью, то все решается вызовом такси. Просто и так удобно.

Она уже давно все поняла.

– Я провожу тебя.

– О, это так щедро с твоей стороны! – попыталась она пошутить, и едва улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ и пошутил, что ничего щедрого, и как он ее отпустит одну, он так заботится о ней, что должен лично посадить ее в машину, и даже посмотреть на таксиста, чтобы запомнить его в лицо...

Слова. Всего лишь пустые слова.

Он с неохотой одевается, берет телефон и ключи. Они едут в лифте. Он ее целует и щупает, ощущая приятные формы ее молодого сексуального тела. Она отвечает взаимностью. Все довольны.

На улице уже прохладно. Только что прошел дождь, в мокром асфальте отражается свет от фонарей и окон.

Таки еще нет, они стоят, обнимаются и целуются. Все, как полагается, только почти без разговоров. Но он уже дважды посмотрел на время, поежился от холода.

Приезжает такси, она садится.

– Позвони мне.

– Обязательно позвоню.

– До завтра?

– До завтра.

И завтра снова все повторится.

А может и нет, ведь завтра у него могут быть дела, и он не сможет встретиться с ней. Может вечером? Да нет, он будет утомлен дневными делами. И даже ни минутки на встречу? Что ты, дорогая, ни минутки...

Я вожу грузовик [подвиг]

Космос вне романтики

Стыковка центрального блока ГКМ-1875 с грузовыми модулями прошла на удивление легко и быстро, и стыковочная команда с Клеопатры скоро покинула грузовик. Пока шла предстартовая проверка систем корабля, капитан сверял маршруты со штурманом, параллельно принимая телеметрию и последние новости от местного ЦУПа.

Серая громада Клеопатры будто нависала над кораблем: эта двухсоткилометровая «гантель» занимала половину неба, поливая серебристым светом окружающие ее, как пчелы улей, грузовики. С этого расстояния было заметно, что вся поверхность астероида изрыта каналами, конусообразными ямками и холмами с острыми, ломаными краями, между которыми разбросаны крошечные землеройные комбайны, жилые и хозяйственные модули. На деле эти ямки и каналы были широкими и глубокими, до десятка километров, карьерами, из которых добывался почти чистый железоникелевый сплав, а комбайны, кажущиеся игрушечными, вблизи поражали воображение своими размерами.

На дальнем от ГКМ-1875 краю Клеопатры виднелось серое ажурное строение, усыпанное красными огоньками – это

комбинат, построенный над мощной урановой жилой, к которой подступились буквально пару лет назад. Сегодня Сергей впервые везет два десятка тяжелых контейнеров с обогащенной рудой этого месторождения. Но остальные модули, как и обычно, заполнены почти пятью сотнями тысяч тонн железа и никеля. А среди огромных металлических блоков с блестящими, отполированными пилами боками, затерялось полторы сотни контейнеров с различными минералами, которые будут переработаны уже на Марсе.

– Клеопатра вызывает ГКМ-1875, ответьте. Прием. – слова диспетчера ЦУПа оторвали капитана от штурманских карт.

– ГКМ-1875 на связи.

– Ваше стартовое окно открывается через сорок две минуты. Доложите о состоянии бортовых систем.

Капитан в нескольких фразах доложил о том, что грузовик исправен, все системы работают в штатном режиме, стыковка грузовых модулей надежна, и корабль готов к старту. ЦУП отключился, а команда грузовика проводила последние приготовления перед стартом. Теперь оставалось ждать прохода большого спутника Клеопатры – пятикилометрового Алексгелиоса – и тогда, после «отмашки» диспетчера, можно будет начать рейс.

Обычный рейс по транспортировке добытых в Поясе астероидов полезных ископаемых – такие во внутренней части Солнечной системы каждый день стартуют десятками. Ко-

нечным пунктом почти всех грузовиков значится орбита Марса – на планете сейчас идут великие преобразования и стройки, которые остро нуждаются в ресурсах. И задача каждого капитана – доставить груз вовремя.

Романтика космоса

В представлении юнцов, только-только переступивших порог космического училища, космос – это хоть и опасно, но жутко интересно. Захламленные фантастикой умы рисуют захватывающие дух космические пейзажи, полные приключений полеты и не доступную простым смертным романтику дальнего космоса.

Поэтому по статистике треть курсантов покидает училище после второго курса: они испытывают жестокое разочарование от первых тренировочных полетов. В этих коротких полетах, где будущие пилоты пробуют управлять кораблями, вдребезги рассыпаются все фантазии и мечты.

Оказывается, это просто работа. Сложная, тяжелая, изматывающая работа. Но главное разочарование курсанты испытывают в первые недели первого дальнего полета. Потому что пилотам элементарно скучно. Они, на долгие месяцы заточенные в высокотехнологичной жестянке, созерцают лишь густую черноту космоса, усыпанную холодными иглами звезд. Если повезет с маршрутом, то удастся поглазеть на планеты, да и то издалека. И все, никаких красот, никакой фантастики, никакой романтики – только работа, инструкции, уставы и опасность навечно остаться в пронизанной солнечным светом пустоте.

Уже через несколько часов после старта Клеопатра пре-

вратилась лишь в одну из ярких звезд. Впереди, будто красный уголек, светит другая яркая звезда, которая через тридцать суток примет в объятия своего гравитационного поля семисотметровую тушу ГКМ-1875 – это Марс.

И только Солнце, маленькое, почти белое с фиолетовым оттенком Солнце разбавляет безмолвие и скуку космического пространства, в котором громада грузовика имеет не большее значение, чем пылинка.

Через трое суток грузовик прекратил разгон, и такая удобная для экипажа искусственная тяжесть исчезла. Но во вращение был запущен «бублик» жилого отсека, и люди снова смогли наливать воду в обычные стаканы. Лишь по капитанскому мостику медленно дрейфовал карандаш – в этой капсуле с прозрачным куполом всегда царит невесомость.

В космосе тоже есть начальство

Теперь капитан мог отдохнуть. Но отдыха не получилось – стоило Сергею покинуть мостик, как его тут же вызвал вахтенный. Обычно в это время ничего не происходит, а поэтому сигнал внутренней связи, раздавшийся в тишине каюты, заставил капитана немного удивиться.

– Капитан слушает.

– Товарищ капитан, мы только что получили сообщение, эээ... К нам прибывает гость.

– Гость? – Сергей понял, что не зря удивился. – Какой гость?

– Никак не могу знать, товарищ капитан. Связь была односторонней, мы получили сообщение о прибытии на наш корабль должностного лица, которое следует ждать примерно через восемь часов.

Сергей снова вернулся на капитанский мостик, дважды прочел сообщение, но теперь удивляться не стал – прибытие должностного лица на рядовой корабль Грузового флота не нужно удивляться, это лицо нужно без лишних вопросов принять и устроить. Благо, на судах типа ГКМ-18 достаточно кают. И ради должностного лица команде нужно надеть установленную уставом форму, да и вести себя соответственно.

Инспектор Главного управления прибыл на корабль спустя семь часов сорок девять минут. Он прилетел с Аспорины,

где решал вопрос о начале промышленного освоения этого астероида. К инспектору был приписан служебный корабль, но в нем обнаружилась критическая неисправность, сделавшая невозможным свободное перемещение важного должностного лица по Поясу астероидов. Вот так инспектор и оказался на ГКМ-1875, добравшись до него на легком челноке.

Перед капитаном предстал Иван Петрович – щуплый высокий человек лет сорока, в пиджаке без галстука, в очках и с тонким кейсом в левой руке. В правой был планшет, от которого инспектор практически не отрывал глаза, решая какие-то свои инспекторские вопросы. Иван Петрович лишь однажды посмотрел на Сергея – острый, цепляющийся за все шероховатости взгляд в одно мгновение оценил капитана, будто проник в его душу, вытащил оттуда все самое потаенное, и снова утонул в голубоватом стекле планшета.

В последующие несколько суток капитан и инспектор не встречались, так как ни тот, ни другой не нуждались друг в друге, и их жизнь будто бы протекала в разных реальностях. Но капитана это несколько не беспокоило.

Беда не бывает чужой

... – Товарищ капитан, принимаем сигналы SOS!

Слова связиста раздалось как гром среди ясного неба.

– Сигналы SOS? – уже на бегу к капитанскому мостику переспросил Сергей.

– Да, терпит бедствие грузовое судно, но в сообщении указаны только координаты. Сигналы бедствия отправляются автоматическим передатчиком – на наши запросы корабль не отвечает, хотя расстояние до него позволяет наладить нормальную связь.

– Объявить общую тревогу! Штурман – рассчитать точные координаты и курс терпящего бедствие корабля! Двигательному отсеку – готовность! Всей команде, не занятой в маневрировании, укрыться в гравикомпенсаторных ваннах! Начать подготовку к экстренному торможению, готовность – семь минут!

Капитан быстро отдает четкие, недвусмысленные приказы, команда эти приказы выполняет не менее четко и быстро. Но все знают, что Сергей идет на большой риск: остановить тушу ГКМ-1875, разогнанную до скорости около сорока километров в секунду, да еще и повернуть ее – сложное и опасное дело. Опасное не в последнюю очередь для команды, которая испытывает серьезные перегрузки. Все понимали это, но все молчали, делая свое дело.

Все, но только не инспектор. Этот человек бесшумно, как тень, появился за спиной Сергея, всем своим видом выражая протест.

– Отмените общую тревогу, прекратите торможение. Сейчас же!

В первое мгновение капитан не понял этих слов, сказанных мягким, но не терпящим возражение голосом. Почти шепотом.

– Нет. – Сергей повернулся к Ивану Петровичу, уколовшись об его острый взгляд. – Приказы отменены не будут.

– Я – инспектор Главного управления, и мои приказы должны быть выполнены. Немедленно отменить общую тревогу!

Сергей с удивлением смотрел на инспектора. Капитан и сам прекрасно знал, что маневр опасен, и даже не тем, что может нанести вред кораблю и людям, а тем, что он полностью нарушает график и траекторию полета, рассчитанную заранее, и утвержденную в двух инстанциях. Отставание от графика даже на несколько часов чревато большими последствиями – грузовик может просто-напросто «промазать» мимо Марса, а для нового маневра может не хватить топлива. Вот так огромный корабль может просто и незатейливо остаться в космосе, потеряв управление, и на его спасение потребуются траты серьезных средств.

– Там есть люди. И они подвергаются опасности. – Сергей произнес эту фразу размеренно, почти по слогам. Он по-

нимал, какой опасности сейчас подвергал своих людей, но у всех них хотя бы есть чем дышать. А на терпящем бедствие корабле воздуха могло уже и не быть.

– В гораздо большей опасности находятся сейчас ваши люди, капитан. И сейчас вы рискуете не только собой, но и погонами.

Сергей промолчал. Он просто смотрел в глаза инспектора, острые, холодные, рассудительные. Правильные, черт возьми, соблюдавшие инструкции и предписания Главного управления.

– Нет. – Наконец сказал Сергей. – Этот корабль вверен мне, и пока я его капитан. Корабль находится в рейсе, на нем объявлена общая тревога. Надеюсь, вам не нужно напоминать, товарищ инспектор, о полномочиях капитана в данной ситуации? Покиньте капитанский мостик.

Инспектор ничего не ответил. Его раздражение выдала лишь дрогнувшая над правой щекой мышца, на мгновение приоткрывшая уголок сероватых зубов. Также бесшумно инспектор покинул мостик.

Роковые случайности и случайные подвиги

Сигнал пропал. Просто оборвался на полуслове, и больше на тормозящем ГКМ-1875 его не слышали. Через семь часов людей ожидало разочарование: по координатам, указанным в сообщении, ничего не было. Пусто. Ни следа корабля, ничего – только тонкая, бесцветная пыль Пояса астероидов, прозрачной дымкой укрывающая экраны радаров кругового обзора.

Легче найти иголку в стоге сена, чем корабль в космосе: простая по сути своей радиолокация в бескрайней пустоте превращается в сложное, долгое и нудное дело. Антенны радиолокаторов уже третий час обшаривали космическое пространство вокруг корабля. Параболические антенны поворачивались на доли градусов, останавливались, посылали радиосигнал, и на протяжении нескольких секунд ожидая отклика. Но космос в радиусе миллиона километров пока молчал.

– Сигнал! Есть сигнал! – голос связиста разорвал царившую на капитанском мостике тишину, в одно мгновение разрядив обстановку. Капитан улыбнулся. Терпящий бедствие корабль найден, теперь осталось дело техники – подойти к нему, и спасти людей. Или с почестями похоронить их останки.

В команде грузовика не было профессиональных спасателей, но все члены экипажа владели навыками первой помощи и проходили курс выживания в сложных условиях. Все эти навыки были совершенно бессильны перед аварией корабля в открытом космосе, но давали хотя бы какую-то надежду на спасение. Поэтому Сергей отобрал пятерых людей из своей команды, которые через полчаса уже отправились к молчащему кораблю на челноке инспектора.

Это был грузовик. Большой. Один из новых красавцев двадцатой серии.

Точнее, это были остатки километрового грузовика. Команда, прибывшая с ГКМ-1875, увидела исковерканную, лишенную большей части грузовых модулей и покрытую рваными «ранами» тушу грузовика. Кое-где тело корабля было покрыто копотью, местами, напротив, обнажился серебристо-белый титановый сплав. Из множества пробоин валили клубы дыма, обволакивая останки грузовика.

В нескольких местах из корабля вырывались и тут же застывали блестящими каплями струи масла и пара – эта серебристая россыпь, смешиваясь с черным и белым дымом, шлейфом протягивалась насколько хватало глаз, отчего корабль был похож на комету. А пространство вокруг этой рукотворной кометы было заполнено ее металлическими останками – рваными частями корпуса корабля, раздавленными модулями, ровными параллелепипедами железоникелевого сплава с астероида, камнями, пылью и просто

мусором.

Из-за этого подход челнока к кораблю затруднялся и грозил обернуться новой катастрофой. Но мастерство pilota оказалось на высоте, и через полчаса, отыскав стыковочный узел, челнок прилип к телу мертвого грузовика.

Вернувшись, челнок привез тринадцать человек и два тела. Капитана и штурмана обнаружить так и не удалось. Среди спасенных было двое тяжелораненых, а почти все остальные были покрыты синяками, ссадинами и кровоподтеками. Авария грузовика не обошла стороной ни одного члена его команды, оборвав жизни четверем молодым, смелым и сильным.

Причина гибели грузовика оказалась до ужаса банальной: астероидный удар.

На самом деле в Поясе астероидов не так опасно и страшно, как об этом принято думать, ведь здесь расстояния между более или менее крупными астероидами достигают десятков и сотен тысяч километров. Так что корабли в этом регионе летают почти также, как и в «чистом» пространстве между Землей и Марсом. Почти, но не совсем.

В Поясе страшны не крупные астероиды – все они известны и наблюдаются радарам. Опасаться стоит «камешков» диаметром в десятки метров, ведь их много, а обнаружить издалека практически невозможно. Иногда эти астероиды, имеющие массу в тысячи тонн, оказываются рядом с космическими кораблями, но обычно их пути расходятся.

Но бывает, что астероид находит свою цель. Так случилось пять суток назад с грузовым кораблем ГКМ-2004, который на скорости сорок шесть километров в секунду лоб-в-лоб столкнулся с пятнадцатиметровым астероидом. Камень разнес грузовик в клочья, разбросав по окрестному космосу полмиллиона тонн груза. Довершила страшное дело череда беззвучных взрывов – в кораблях этой серии баки с топливом и окислителем находятся слишком близко и для возгорания хватило просто «удачного» попадания астероида...

На погибшем корабле были «гости» – известный ученый-планетолог Василевич с молодым аспирантом. Пожилой, но полный сил и энергии ученый совершил длительную экспедицию по объектам Пояса астероидов, и на попутном транспорте возвращался на Марс. Вместе с Василевичем летело три тонны геологического материала и гигабайты ценнейшей информации.

Ученый долго и упорно уговаривал спасателей взять на челнок несколько своих ящичков, но ему удалось «отбить» лишь небольшой рюкзак. Главное, говорил профессор своему аспиранту, находится именно здесь, в этом рюкзаке, а еще здесь и здесь – с этими словами он показывал на собственную голову и старенький ноутбук.

Аспирант был молчалив, но, как сказал профессор, «мальчик подает большие надежды, но у этой молодежи никакого уважения к научным авторитетам». Молодой человек на это никак не реагировал. Возможно, он уже в сотый раз

слышал эту хвалебно-ругательную речь, и она не вызывал в нем никаких эмоций.

Все спасенные были размещены в свободных каютах (хотя и пришлось потесниться), а корабль начал готовиться к разгону. Инспектор в эти часы лишь однажды появился на глазах капитана – ему потребовалась подпись Сергея в рапорте для Главного управления. Капитан молча прочел бумагу, бросил короткий взгляд на инспектора, и не говоря ни слова подписал документ, что явно доставило удовольствие должностному лицу.

Беда не приходит одна

Удар. Еще удар. Корабль застонал, вздрогнул и начал медленно разворачиваться вдоль поперечной оси. Корпус грузовика заскрежетал так, что заныли зубы. Свет моргнул и во многих отсеках погас, но через мгновение они заполнились оранжевым светом аварийного освещения. Внезапно все стихло, и такая непривычная тишина, в которой утонул даже шум двигателей, больно надавила на уши.

Взвыла сирена. Сергей, опомнившись от сотрясения капитанского мостика, бросился к центральному пульту. Двигатели не работали. Корабль, только-только начавший разгон, потерял управление. И потерял едва не половину грузовых модулей. Реактор был цел и работал в штатном режиме. Это хорошо, очень хорошо, радиация – это самое страшное в такой ситуации. А так можно жить.

Еще удар, за которым последовала мощная вибрация, протяжный стон и скрежет корпуса. Свет совершенно погас. Мимо капитанского мостика пролетело несколько мятых и рваных кусков обшивки. Откуда-то снизу вырвалась белесая струя газа, тут же исчезающего в черноте космоса. Усыпанный звездами черный купол куда-то медленно плыл, и от этого кружилась голова.

Неожиданно загорелся аварийный свет, сирена, надрывавшаяся все эти долгие секунды, из последних сил издала

тревожный вопль и заглохла. Запало озоном и оплавленным пластиком.

– Реакторный отсек!

– На связи! Реактор работает в штатном режиме!

– Двигательный отсек!

Тишина.

– Двигательный отсек!

– Да, товарищ капитан, здесь... – хриплый слабый голос не внушал ничего хорошего. – Здесь темно и нечем дышать, капитан!.. Двигателей... нет, наладить нормальную работу невозможно...

Связь с двигательным отсеком оборвалась, вновь раздался скрежет, который тут же сменился непонятным грохотом и шумом.

Жилой отсек отвечал быстро, все были живы и здоровы, но в голосе некоторых спасенных с ГКМ-2004 чувствовался настоящий страх. Они второй раз переживали катастрофу, и это было... неприятно.

Голос Сергея был крепким, а действия грамотными. И трудно было поверить, что этот человек сейчас был растерян. По-настоящему растерян. Он не знал, что делать – такая авария произошла с ним впервые, и далеко не все в ней укладывалось в рамки инструкций.

Внезапно на капитанском мостике появилась тонкая фигура инспектора. Он захлебывался от проклятий.

– Какого черта здесь происходит! Я предупреждал вас! Вы

нарушили приказ, и будете наказаны, капитан! Да хотя какой вы после этого капитан?! Вы будете исключены из флота и высланы на Плутон! Что вы теперь собираетесь делать?! Я не хочу погибать из-за вашей дурости!..

Капитан в упор посмотрел на инспектора. И в следующее мгновение инспектор получил удар такой силы, что отлетел и больно ударился о противоположную стенку мостика. Его крик утонул в раздавшемся скрежете, а испуганных, полных отчаяния глаз не было видно в оранжевом сумраке.

– К спасательным капсулам. Живо! – страшный голос капитана врезался в мозг инспектора, заставив его отчаянно бить по воздуху руками и ногами. Сергей, видя странные движения инспектора, подлетел к нему и придал ускорение в нужную сторону.

Кому решать и кому жить

– Всем-всем-всем! Объявляется эвакуация! Членам экипажа занять свои места в капсулах согласно предписанию, всем присутствующим на корабле прибыть к ближайшим капсулам! Никого не оставлять, за панику буду наказывать лично!

Капитан бросил взгляд на пульт – из четырех капсул целыми остались три. Но самое страшное, что такой нужный сейчас челнок тоже не подавал признаков жизни. Сергей надеялся, что это просто не работали датчики, но могло случиться и так, что челнока действительно больше нет.

На пульте загорелись три зеленых индикатора – капсулы полностью заполнены. Сергей поочередно вызвал каждую из капсул, попросив поименно доложить о находящихся в них людях. Все, включая привезенных с ГКМ-2004, были спасены. Все, кроме экипажа двигательного отсека.

Капитан бросил беглый взгляд на капитанский мостик – здесь он провел два года своей жизни, сделав немало рейсов от Пояса астероидов к Марсу и обратно. Нужно спешить, но Сергей решил осмотреть двигательный отсек. Он полетел вдоль корабля, осматривая проплывающие мимо отсеки, и уперся в главную шахту грузовика – ней царила тьма, лишь где-то далеко тлел одинокий оранжевый фонарь.

Острый запах горелой изоляции врезался в нос. Полу-

круглые стенки шахты местами покрылись инеем, на пути Сергей наткнулся на мелкий мусор, и чуть не напоролся на торчащую из стены трубу. Всего в шахте восемнадцать аварийных переборок, но ни одна из них не закрылась – значит, разгерметизации не было.

Вдруг капитан наткнулся на закрытую переборку. Сергей осторожно подлетел к ней, взглянул в иллюминатор, и охнул: в круглом окошке виднелись звезды. Двигательного отсека не было! Какая-то страшная сила вырвала кусок корабля, оставив обломки ферм, мятого металла, кабелей и обрывков труб, из которых вырывались струи газа и разбивающейся на блестящие капли черной жидкости.

Здесь все погибли. У них просто не было шансов.

Капитан рванул обратно, к спасательным капсулам. По пути он с огорчением убедился, что челнока, как и всего стыковочного узла, больше не существовало. Уже через полминуты Сергей оказался у капсул правого борта – они были заполнены людьми с серьезными, сосредоточенными лицами.

– Капитан, ждем вас.

Сергей, недолго думая, залетел в одну из капсул, но только он хотел закрыть люк, как вспыхнула красная лампа.

У Сергея кольнуло сердце и зазвенело в ушах, будто в голове лопнула струна. Капсула перегружена. Нет, масса пассажиров не имеет значения – все дело в запасе кислорода и системе его регенерации. Лишний человек может погубить всех остальных, уже через несколько часов спасенные нач-

нут задыхаться, а через двое-трое суток система регенерации кислорода выйдет из строя. Так уже было. Точнее – капитан слышал такие истории, и проверять их подлинность сейчас не хотелось.

Капитан взял себя в руки.

– Ребята, здесь перегрузка, летите без меня. – Сергей покинул капсулу, вскрыл щиток управления, нажал кнопку запуска. Люк с шипением закрылся, послышалось несколько щелчков, и бочкообразное тело отделилось от умирающего корабля. Через несколько минут автоматика капсулы ориентируется на Марс, а двигатели направят ее туда, где есть шанс спасение.

Сергей влетел во вторую капсулу. И нисколько не удивился, когда зажглась красная лампа – он с самого начала знал, что обе капсулы заполнены под завязку.

– Капитан! Сергей. Отключай систему безопасности, ты же знаешь, они там всегда превышают ресурс! – штурман умоляюще посмотрел в глаза капитана.

Сергей мог так сделать. Но он не мог подвергнуть опасности одиннадцать человек. Он медленно попятился, вылетел из капсулы, вскрыл щиток и нажал на кнопку. Вторая капсула с шипением исчезла в темноте космоса.

Сергей знал, что и третья капсула переполнена. Знал, и ничего не мог поделать. Но он полетел к ней, чтобы лично удостовериться в безопасности людей. И на полпути столкнулся с Василевичем.

– Профессор?! – Сергей немало удивился встрече, так как был уверен – ученые вместе со всеми находились в капсуле.

– Да, молодой человек, это я. – голос профессора был тихим и спокойным, в нем совершенно не ощущалось и намека на привычную веселость. – Я ищу вас чтобы сказать... сказать... – Василевич взял капитана за плечи и посмотрел ему в глаза. – Я никуда не лечу.

– Что за чушь?! Как это не летите? А ну-ка, живо в капсулу!

Профессор устало посмотрел на Сергея, и тот сразу притих.

– Сергей, я давно живу на свете, и давно летаю. И я, быть может, могу переплюнуть в умении многих ваших ребят. Поэтому не надо на меня кричать, уверяю, это не нужно. Я знаю, что наша капсула перегружена, и кому-то придется дожидаться помощи здесь, на вашем грузовике.

– Вот и идите в капсулу, профессор. Я – капитан, и не могу оставить свой корабль.

Ученый покачал головой.

– Капитан, бросьте это геройство, оно в наше время никому не нужно. Вы молоды, у вас вся жизнь впереди, вам дадут новый корабль, и вы еще полетаете – ого-го! А я уже отжил, и могу остаться здесь. Да и кислорода я потребляю явно меньше, чем вы, так что я могу дождаться спасателей.

Сергей задумался. Нет, не над словами профессора. Для себя капитан уже давно все решил.

– Хорошо, профессор. Но идемте к капсуле вместе – поможете ее запустить, да и ваш аспирант волноваться не будет. Представляете, что будет, если я приду без вас?!

Профессор с капитаном фальшиво засмеялись, и вместе поплыли к капсуле. Перед самым ее люком Сергей взял профессора за руки, и почти на ухо сказал:

– Профессор, спасибо за ваш отчаянный поступок. Но... Но вам еще предстоит открывать новые миры и давать человечеству новые полезные ископаемые. Вам, наконец, учить вашего бестолкового аспиранта и таких же талантливых ученых, как он. А водить грузовик – дело нехитрое, такое каждый пацан сможет.

У профессора округлились глаза, он и слова не успел молвить, как Сергей схватил его и с силой забросил в капсулу. Тут же, оттолкнувшись от противоположной стенки, Сергей подлетел к щитку и с силой вдавил кнопку. Сомкнувшийся с шипением люк капсулы заглушил крик Василевича, и капитан уже не мог слышать, как старый человек с отчаянием стучал по иллюминатору.

Капсула медленно отошла от корабля, а капитан, до конца оставшийся верен самому себе, свернулся в клубок и плакал. Но слез его не было видно в оранжевых сумерках. Да и не зачем их было кому-то видеть.

[подвиг?]

С востока на город надвигались грозовые тучи, а на западе гасли последние лучи заходящего солнца. Облака над головой светились красным, будто сгорая в костре, и падали в темно-синее небо черными перьями. Это было мгновение, от которого щемит сердце, и которое хочется остановить навсегда.

Но сегодня сердце не наполнялось тоской и тихой грустью – сегодня оно рвалось туда, где синие вспышки, звездолеты и герои, нюхавшие космос. Сегодня сердце хотело опасности и чего-то настоящего. И руки нервно крутили послушный руль, направляя машину прочь от города.

Поворот, и через пару километров хорошая дорога внезапно закончилась. Машину изрядно трясет, а сзади поджигают грозовые тучи, пожирающие мирно спящие звезды. Но сбавлять скорость не хочется, иначе весь запал пропадет. Не хватит решимости. Ничего не получится. Нога сама еще сильнее нажала на педаль.

...Перелезть через забор оказалось просто – в обвисшей сетке обнаружилась прореха, и как раз там, где он наугад остановился. С этой стороны забора было все то же поле с пожухлой травой, но здесь был другой запах. Едва уловимый запах чего-то реального и настоящего. Того, чего никогда не было в его жизни.

Горизонт был ровный и темный. Далеко идти.

И вот оно – небо стало светлеть, наполняться фиолетовым светом, и через мгновение из-за горизонта в глаз больно уколола синяя игла. Она медленно впивалась в совсем почерневшее небо, сначала ее яркость росла, но в какой-то момент игла стала гаснуть, и скоро совсем исчезла. Снова стало темно и страшно.

Он вышел на стартовую площадку через два часа, когда небо уже совсем затянули тучи, и в воздухе пахло электричеством. Хотя электричеством могли пахнуть вот эти громадины, которые оставили свои острые носы в небо, и готовы были в любую минуту взмыть с яркой фиолетовой вспышкой. Корабли стояли далеко друг от друга, но это лишь подчеркивало их огромные размеры и величие.

Он вышел прямо к стартовому столу готового к взлету корабля. И уже не было страшно. Было никак. Просто железяка, которая способна выжечь город, стоит в сотне метрах от него, и эта железяка подавала признаки скорого старта. Вокруг было стеклянное поле, изрытое ямами и усеянное холмиками – шрамами от предыдущих стартов.

Вдруг корабль засветился фиолетовым светом, из его нижней части вырвалось фиолетовое пламя, ударило в стол, провалилось куда-то вниз, отразилось с противоположной стороны, и осветило небо призрачным сполохом. Вдруг стало невыносимо жарко, а глаза не могли выдержать силы фиолетового пламени. И все это происходило в полнейшей ти-

шине, которую нарушали лишь порывы ветра.

Вот, значит, как все это происходит.

Он, ослепленный ярким светом, инстинктивно побежал прочь от корабля, но обо что-то запнулся, больно упал, покатился, куда-то провалился, еще раз больно упал и затих. Сквозь закрытые веки пробивался фиолетовый свет, но жара уже не было.

Со стороны корабля подул сильный ветер, который через мгновение превратился в шквал. Порыв проник в яму, подхватил полуслеплого и обезумевшего от страха человека, понес по стеклянному полю, катил его, как тряпичную куклу, с силой бросал на холмики и ронял в ямы, протаскивал по камням и резал о какие-то острые грани.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Сияющая стрела впиалась в небо, и стало темно. Ветер исчез, наступила гробовая тишина. В горячее мягкое стекло с шипением впились первые капли грозы, которые скоро вменились ливнем. От холодных дождевых капель стекло трескалось, и на поле вокруг стартового стола то тут, то там вздымались фонтаны стеклянных осколков.

Ему было больно. По-настоящему больно. Не так, как было больно плоским героям его прошлых книжонок. По-настоящему больно и страшно, и от этой боли, смешанной со страхом, было смешно вспоминать все, что происходило с ним раньше.

По стеклянному полю, пробиваясь сквозь шум грозы,

прокатился смех, за которым последовал приглушенный стон, затем снова смех, и опять стон, и опять смех, смешанный со стоном...

... Его нашли быстро, буквально через десять минут после старта «Исследователя». На нем не было живого места, его одежда насквозь пропиталась кровью, которую не смог смыть даже ливень, но он смеялся и что-то бредил о боли, новых книгах и настоящей жизни.

На следующий день в его блоге появилась полная пафоса, надрыва и глубокой философии запись: «Лишь тот может написать о боли, кто испытал ее. Лишь тот может написать о жизни, кто на самом деле жил. Но зачем что-то писать, если ты уже все испытал и все видел?..».